

Глава 86. Парк развлечений Ангела 16

Лу Хуэй знал об этой способности. Он сам её и придумал.

Активировалась она лишь раз, и пока серёжка не будет уничтожена, Мин Чжаолинь не сможет создать вторую. Но в оригинале Лу Хуэй не писал, что Мин Чжаолинь завладел этой способностью, значит, он получил её уже после его попадания в этот мир. Скорее всего, это случилось после прохождения «Санатория 444».

Лу Хуэй больше не касался мочки. Он лишь нахмурился, не успев открыть рот, как Мин Чжаолинь уже распылил на ухо какое-то средство. Прокол затянулся прямо на глазах.

Лу Хуэй скосил на него взгляд. Мин Чжаолинь слегка склонил голову, и его удлинённые пряди свободно скользнули по плечу.

Лу Хуэй тыльной стороной ладони стёр остатки средства. Боль уже утихла, и он гадал: это проявление заботы или просто показатель того, насколько Мин Чжаолинь богат, раз не жалеет дорогих препаратов на обычный прокол.

То ли он считал мысли по лицу, то ли просто привык читать его как открытую книгу, но Мин Чжаолинь лишь вскинул бровь и небрежно бросил:

— Стал бы я замораживаться, если бы ты не боялся боли?

Лу Хуэй тут же парировал:

— А если бы ты не вздумал пробивать во мне дырку, мне бы это и не понадобилось.

Мин Чжаолинь усмехнулся:

— Подари я тебе кулон или браслет, ты бы мгновенно нашёл повод от них избавиться. С серёжкой всё иначе. Единственный способ от неё избавиться — вырвать с мясом и соврать, что её стащил монстр или NPC.

Но Мин Чжаолинь прекрасно знал, что Лу Хуэй на такое не пойдёт. Это не в его правилах.

Лу Хуэй и правда попался в эту ловушку. Стряхнув остатки средства, он тихо фыркнул:

— Ты называешь это «подарком»? У тебя, случаем, нет проблем с толкованием слов?

Мин Чжаолинь не проявил и доли смущения:

— А-Мань. — Он широко улыбнулся. — Ты же сам знаешь, что у меня нет воспоминаний о прошлом.

— ...У тебя амнезия, а не неграмотность.

Мин Чжаолинь, чёрт возьми, прекрасно умел читать.

Он виртуозно проигнорировал колкость и сменил тему:

— Так о чём ты хотел спросить?

Лу Хуэй потёр шею. Ран не было, средство сработало, но он и без зеркала знал, что на коже наверняка уже проступают синеватые следы от пальцев. Кожа у него и правда слишком остро реагировала на прикосновения — даже лёгкое давление оставляло тёмные следы, из-за чего в детстве он хлебнул немало горя. Препираться из-за смены темы он не стал, лишь спросил:

— ...Ты специально выбил именно эту способность? Уже после «Санатория»?

Неужели ему просто так сказочно повезло?

Мин Чжаолинь вскинул бровь:

— Только что забрал.

Стало быть, всё произошло именно в текущем инстансе.

Лу Хуэй молча выразил взглядом всё своё недоумение. Он нахмурился:

— Ты...

Одно «Поглощение» — одно применение. Лимит активаций Мин Чжаолиня только что испарился!

Ладно. Мин Чжаолинь и раньше не раз умудрялся тратить все козыри в самом начале. К тому же, схватка с боссом станет отличным полигоном, чтобы отточить базовые навыки способности «Яня».

Вернувшись с трубчатыми колокольчиками в зону аттракционов, Лу Хуэй не стал торопиться к Яо Хаохао и остальным. Он даже не спешил возвращать студенческий пропуск в исходное состояние. Вместо этого, воспользовавшись новым статусом, он направился в запретные зоны отеля, куда раньше лишь заглядывал с порога. Таблички [Посторонним вход воспрещён] больше не служили препятствием. Так что сейчас было самое время всё проверить на практике.

Когда они зашли в отель, охранники Лю Вэйсян и Ли Жубо, стоявшие у входа, тут же приветливо кивнули:

— А, младший Цзюнь.

Они больше не величали его «студентом», обращаясь как с равным коллегой:

— Зачем студента притащил? Приболел, что ли?

Мин Чжаолинь, чья карта всё ещё оставалась студенческой, лишь слегка приподнял бровь и промолчал.

Лу Хуэй с наигранным жаром ответил:

— На улице пекло, вот он и захотел вернуться под кондиционер, заодно отель осмотреть. Решил пройтись с ним, всё показать.

Специально обрывать беседу не пришлось. Они шли, перекидываясь фразами, и стоило отойти подальше, как диалог сам собой сошёл на нет. Мин Чжаолинь провёл пальцами, на которых всё ещё виднелись следы крови, и сухо заметил:

— Жары я не боюсь.

— Знаю. Ещё знаю, что и холода ты не боишься. Хватит хвастаться.

Мин Чжаолинь чуть изогнул губы:

— А ты боишься?

— ...Ты, похоже, просто пытаешься выудить информацию о моих слабостях. — Лу Хуэй вздохнул, но всё же добавил, — И что здесь такого? Нормальный человек вполне может бояться и жары, и холода.

Мин Чжаолинь склонил голову:

— Стало быть, я не «нормальный человек».

Да многие твои выходки уже давно выходят за рамки нормы. — мысленно фыркнул Лу Хуэй. Впрочем, он прекрасно понимал, что так Мин Чжаолинь аккуратно прощупывал почву. Тот подозревал, что является каким-то странным экспериментальным образцом. Лу Хуэй ещё в книге прописывал момент, когда Мин Чжаолинь осознавал, что он отличается от обычных людей не только эмоциональным фоном, но и физиологией.

Поэтому Лу Хуэй резко бросил:

— Я просто обозвал тебя психом, хватит выпрашивать.

Мин Чжаолинь не только не обиделся, но и улыбнулся ещё шире.

Воспользовавшись новым статусом, они беспрепятственно прошли на кухню. Повара уже всю готовили ингредиенты для обеда. Заметив, как «Цзюнь Чаомань» привёл студента, они решили, что те пришли что-то уточнить, поэтому один из них спросил, что именно им здесь понадобилось.

— Да всё в порядке, ему просто любопытно взглянуть. — ответил Лу Хуэй.

После этой фразы никто больше не стал ничего спрашивать, лишь попросили держаться подальше от готовых продуктов, чтобы ничего не запачкать.

В целом на кухне не было ничего выдающегося, но одна деталь всё же привлекла внимание Лу Хуэя. На самом видном месте висела записка:

[12:00 Манговый креповый торт*, свежее молоко с мёдом]

* 芒果千层 (Mángguǒ qiāncéng) — популярный в Восточной Азии десерт: многослойный торт из тонких блинчиков (крепов), прослоенных взбитыми сливками и свежим манго.

Взгляд скользнул по бумажке, и в душе зародилось недоумение.

На кухне и так висело стандартное меню, ничем не отличавшееся от вчерашнего шведского стола. Манговый креповый торт в нём значился, да и в зоне напитков круглосуточно стоял бариста, готовый смешать что угодно, так что молоко с мёдом — не проблема. Тогда зачем эта отдельная, специально вывешенная записка? И почему ровно в 12:00... Обед для всех начинается в одиннадцать.

Может, это заказ кого-то особенного?

Лу Хуэй незаметно ткнул Мин Чжаолия кулаком в спину. Тот замер и почти рефлекторно завёл руку назад, перехватывая его кулак. В его глазах на долю секунды вспыхнула холодная, хищная злость, но стоило ему понять, что Лу Хуэй не нападает, а лишь кивает в сторону записки, безмолвно спрашивая: «Заметил?», как боевой настрой тут же испарился.

Мин Чжаолия, разумеется, заметил бумажку ещё тогда, когда Лу Хуэй непринуждённо болтал с поварами.

Поэтому, едва они вышли из кухни, Лу Хуэй беззвучно шевельнул губами:

— В двенадцать?

Мин Чжаолия понял, о чём тот:

— Угу.

Лу Хуэй шевельнул пальцами и сказал прямо:

— Тогда отпусти уже.

Мин Чжаолия не только не разжал пальцев, но и сменил хватку. Его ладонь плотно легла поверх руки Лу Хуэя, пальцы скользнули в промежутки между его фалангами, а большой палец навалился на основание большого пальца Лу Хуэя, вынуждая кисть оставаться раскрытой и едва позволяя сгибаться.

Рука у Мин Чжаолия была крупной, а кожа обжигала непривычным жаром. Лу Хуэй замер и на секунду потерял дар речи.

Затем Мин Чжаолия заговорил — в голосе сквозила провокация и лёгкая, едва сдерживаемая злость:

— Похоже, некоторых излишне шаловливых экскурсоводов придётся держать в узде.

Лу Хуэй лишь безмолвно выдохнул: «...»

Радоваться ли тому, что Мин Чжаолия не в курсе, что сплетение пальцев — это жест, балансирующий на грани откровенной двусмысленности?

По своей натуре Лу Хуэй в такой ситуации обязательно отпустил бы колкость, чтобы позлить

собеседника. Но внезапное переплетение пальцев ударило по нервам сильнее, чем серёжка. Ведь эта штука в его глазах слишком напоминала ошейник с GPS-трекером. Если бы не страх, что этот псих и правда свернёт ему шею, Лу Хуэй давно бы сорвал её и вышвырнул.

Молчание Лу Хуэя тут же вызвало у Мин Чжаолиня немой вопрос, и он выразительно изогнул бровь. Даже поднял свободную руку и щёлкнул пальцами прямо перед его лицом. Длинные, с чётко очерченными суставами пальцы выглядели безупречно:

— Отвечай.

Лу Хуэй вздохнул:

— А что мне сказать-то?

Мин Чжаолинь лишь продолжил сверлить его взглядом: «?»

Такая реакция не вписывалась в его ожидания, поэтому он крепче сжал пальцы. Это мгновенно заставило Лу Хуэя тихо зашипеть.

Разум вернулся на место. Лу Хуэй слегка улыбнулся:

— Мин Чжаолинь, ты понимаешь, что серёжка-трекер плюс сплетённые пальцы и любой подумает, что мы влюблённая парочка?

Мин Чжаолинь снова завис: «?»

И этот ответ тоже шёл вразрез с его расчётами.

Но спустя секунду молчания он неспешно разжал пальцы:

— И как долго ты собираешься ломать эту комедию?

Улыбка Лу Хуэя стала наконец искренней:

— Главное, чтобы тебя это бесило.

Мин Чжаолинь тоже слегка улыбнулся.

Лу Хуэй сразу понял, тот обязательно найдёт способ отыгаться.

Не важно. Победа здесь и сейчас — всё равно победа!

Лу Хуэй опустил руку, совершенно не обратив внимания на проступившие на тыльной стороне ладони синеватые следы от пальцев. Его всё ещё грело тихое торжество от выигранной партии.

Затем они отнесли найденные трубчатые колокольчики в номер 1202 и лишь потом направились в зону отдыха на втором этаже. Там тоже висела табличка [Посторонним вход воспрещён], но Лу Хуэй сомневался, хватит ли его статуса экскурсовода, чтобы провести туда Мин Чжаолиня.

Когда они добрались до зоны отдыха, там было пусто и темно. Мин Чжаолинь достал тонкий, толщиной с палец, фонарик. Свет был не слишком ярким, но вполне достаточным. Отчего атмосфера стала ещё более похожей на исследование декораций в фильме ужасов.

Лу Хуэй шёл довольно быстро. Сначала он попробовал толкнуть дверь под табличкой. Она оказалась не запертой и легко поддалась.

За дверью тянулся тёмный коридор. Лу Хуэй инстинктивно протянул руку к стене и, ещё до того, как свет фонарика настиг её, ощутил под пальцами грубую бархатистую ткань. словно... ковровое покрытие намертво приклеили к вертикальной поверхности.

Тут луч фонарика Мин Чжаолиня осветил обстановку: весь коридор был окрашен в тусклый багровый цвет. Потолок, стены, пол — всё обтянуто той же потёртой, дешёвой бархатной обивкой.

Проход уходил вглубь, и свет не доставал до конца. Мин Чжаолинь снова протянул руку, крепко схватил Лу Хуэя за запястье и слегка оттянул назад.

В такой ситуации Лу Хуэй не стал шутить. Он сам потянул Мин Чжаолиня за край одежды:

— Так удобнее.

Мин Чжаолинь освободил вторую руку. Он разжал пальцы на запястье Лу Хуэя и, держа фонарь впереди, шагнул вперёд.

В коридоре стоял затхлый запах заброшенного места, поэтому Лу Хуэй зажал нос.

Его взгляд скользил по стенам, не находя ничего особенного, пока они не углубились дальше, и Мин Чжаолинь вдруг резко остановился. Он поднял руку и, не касаясь стены, провёл ладонью в паре сантиметров от левой поверхности, прислушиваясь к ощущениям.

Лу Хуэй понизил голос:

— Тайник?

Мин Чжаолинь кивнул:

— Чувствуется лёгкий сквозняк... Вот здесь.

Он стукнул костяшками пальцев по стене, затем сместил руку и повторил. Звук изменился — стал глухим, полым. Пальцы тут же заскользили по поверхности, и Лу Хуэй без слов подключился к поиску.

Механизм был спрятан неглубоко. После нескольких попыток Лу Хуэй нажал на нужную точку. Дверь бесшумно скользнула вверх, открывая маленькую комнату.

Комната была тесной, но с порога всё просматривалось. Луч фонарика выхватил первым делом каменные фигуры.

Бледные, как мел, изваяния хранили лишь общие очертания человеческих фигур, совершенно лишённые лиц. Они застыли в разной степени завершённости: одни сохранили головы, другие обрывались грубыми торсами, а третьи стояли в полный рост. В свете фонарика они походили на сваленные в кучу манекены из заброшенного магазина одежды. Но каждый из них был повёрнут к выходу — в профиль или анфас... Создавалось стойкое ощущение, что они наблюдают за вошедшими. Даже при том, что у них не было глаз.

В полумраке замкнутого пространства это выглядело по-настоящему жутко.

Лу Хуэй слегка прищурился:

— На них даже не вырезаны волосы.

В отличие от фигур у [Святого пруда ангела], эти казались черновыми набросками. Ни волос, ни сложенных на груди рук, как у тех.

— Конечно, — сказал Лу Хуэй. — это могут быть черновые версии [Ангела]. Просто мы вломились раньше, чем скульптор успел закончить.

Лу Хуэй кивнул в сторону статуи:

— Подойдём ближе?

Заходить они не решились, если дверь захлопнется, выбираться будет нечем. У Лу Хуэя не было карт на отпирание замков.

Мин Чжаолинь не возражал. Они остановились на пороге, разглядывая ближайшую фигуру в человеческий рост. Лу Хуэй задумался:

— Недоделанная или как? Этот [Ангел] ростом почти с меня. Не слишком ли высоковато? Или это вообще не [Ангел]? Но пока среди каменных фигур встречались только они... Неужели это взрослая форма [Дьявола]? И заточение здесь — часть какого-то ритуала?

В голове Лу Хуэя роились десятки гипотез, а Мин Чжаолинь молча водил лучом фонарика по стенам.

Лу Хуэй дёрнул его за край одежды:

— Опять молчишь, строишь из себя всезнайку?

— ...Просто, — Мин Чжаолинь слегка прищурился, — это место вызывает у меня странное отвращение. И дежавю.

Лу Хуэй лишь замер: «...»

Что за бред?

— У тебя, часом, нет ещё какой-нибудь скрытой роли? — спросил он.

Мысли Лу Хуэя тут же умчались далеко вперёд:

— Неужели этот инстанс снова заигрывает с реинкарнацией? Может, мы и есть те самые [Ангел] и [Дьявол]? А этот парк — наше заброшенное наследство и поле финальной битвы после перерождения? Или место, где мы уже сражались в прошлой жизни?

И знаете, что? В этой теории действительно было зерно правды.

Ведь их сразу выделили, стоило им переступить порог отеля. Правда, лишь потому, что Лу Хуэй обнаружил улику с пометкой [2-].

— И как ты объяснишь того [Дьявола], что заключил со мной сделку? — спросил Мин Чжаолинь.

Лу Хуэй лишь тихо фыркнул. Он и сам понимал, что это слишком натянуто:

— Да я просто к слову.

Он говорил непринуждённо, отчего повисшее напряжение немного рассеялось.

— Я посторожу тут, а ты загляни внутрь. — предложил он.

Мин Чжаолинь был быстрее, так что, если дверь и вправду закроется, он успеет рвануть вперёд и вытащить их обоих. Мин Чжаолинь не стал спорить, включил фонарик на максимум и шагнул вглубь.

Лу Хуэй замер, безмолвно вопрошая взглядом: «?»

Мог же включить яркий свет сразу. Чего тянул? — мысленно возмутился он. У него просто не хватало слов.

Особенно когда Мин Чжаолинь, уже шагнув вперёд, обернулся. В его чуть раскосых глазах плескалось откровенное веселье, а улыбка прямо кричала: да, я сделал это специально.

В тот же миг все остатки его выдержки благополучно растворились, и он не сдержался, продемонстрировав собеседнику всем понятный жест.

Мин Чжаолинь лишь фыркнул, развернулся и двинулся дальше, бросив через плечо:

— Смотри, как бы я тебе не переломал пальцы.

Лу Хуэй тут же убрал руку, совершенно не поверив. Если бы Мин Чжаолинь и правда загорелся такой идеей, он бы не стал ограничиваться словами.

— Давай быстрее. — поторопил он.

Мин Чжаолинь снова недовольно цыкнул. Впрочем, он всё же принялся методично, но быстро осматривать тесное помещение. Ни резцов, ни лишних кусков камня — обычная кладовка для хранения статуй.

Фигуры отдалённо напоминали гипсовые слепки из художественной мастерской. Они были слишком белыми — до той неестественной, мертвенной белизны, от которой по спине бежали мурашки.

Мин Чжаолинь провёл рукой по поверхности, но не нашёл ничего примечательного. Он обошёл все фигуры, каждую аккуратно приподнимая.

— Ничего. — констатировал он.

Он вышел к Лу Хуэю с видом человека, утратившего интерес, но в его позе сквозила необъяснимая раздражённость:

— Лишь на спине у каждой выцарапано несколько слов. — пояснил он.

— На пояснице, чуть выше таза, ровно по центру позвоночника. Там написано...

[Мой ангел]

<http://bllate.org/book/12898/1632841>